

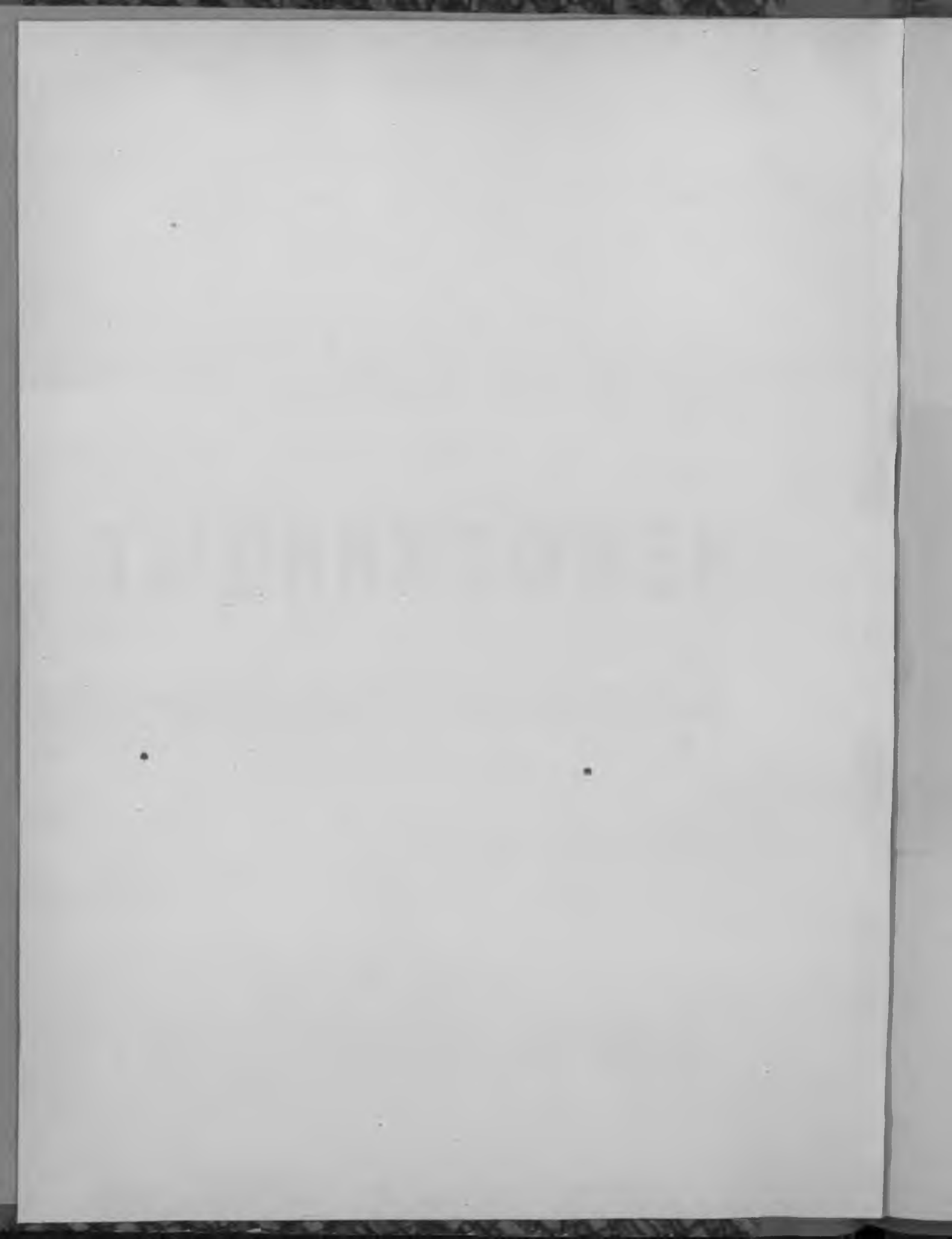
441. 29/17. 49

А. ЛЯПИДЕВСКИЙ

ЧЕЛЮСКИНЦЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ

Хан.
4-4

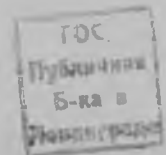
А. ЛЯПИДЕВСКИЙ
СОВЕТСКА СОЮЗ ГЕРОЙ

ЧЕЛЮСКИНЦЫТ

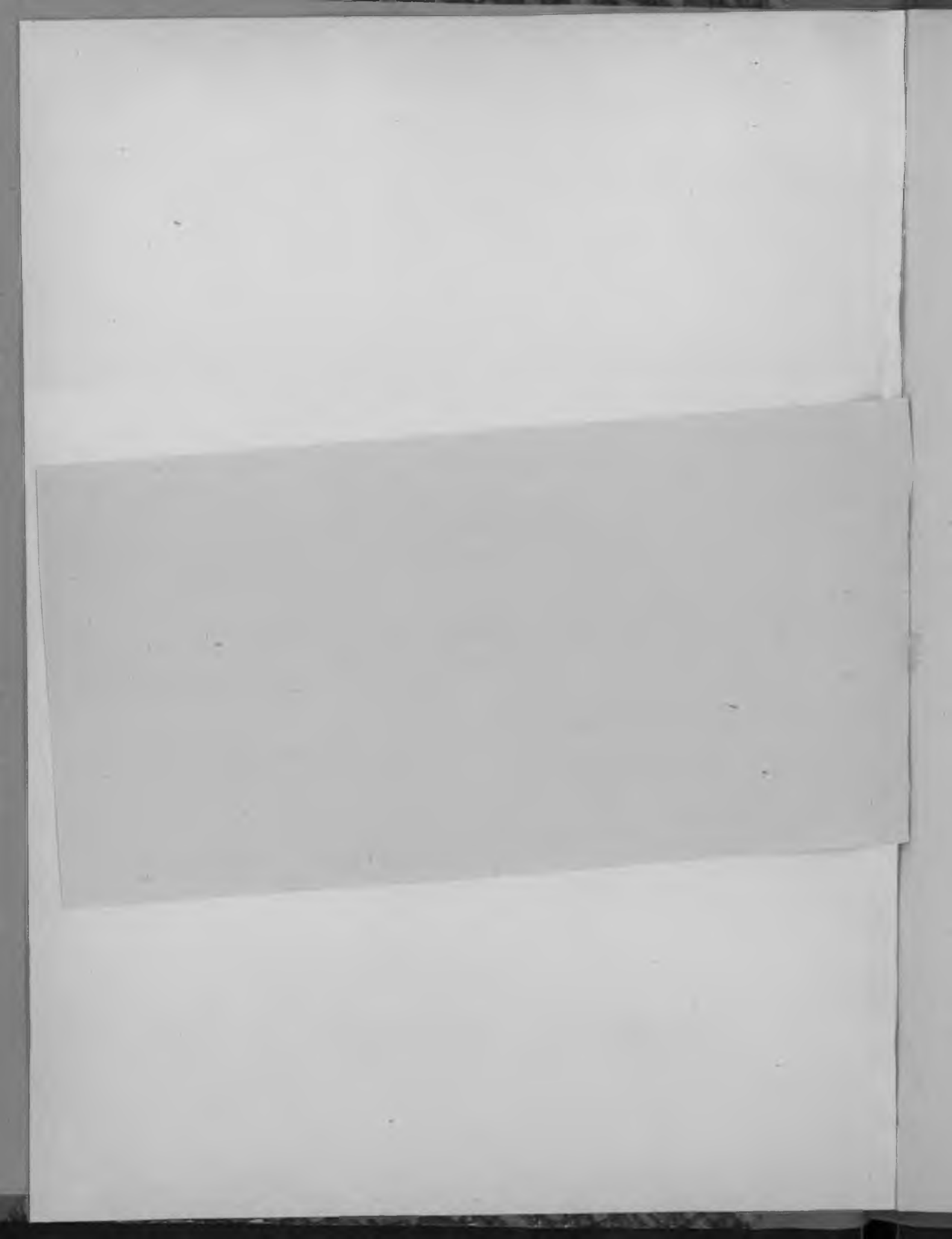
ОПЕЧАТКАИТ

Страница	Строка	Ханшман	Л'унгытта мосл'
23	1 нумыл'та	во	вой
39	5 ил'л'та	хесе'л'а	хосел'а
40	14 нумыл'та	вернытыс	верынтыс

А Ляпидевский „Челюскинцы“. (На хантыйском яз.).

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД ★ 1939

Хан.

4-4

А. ЛЯПИДЕВСКИЙ
СОВЕТСКА СОЮЗ ГЕРОЙ

ЧЕЛЮСКИНЦЫТ

ХАНТЫ ЯСЫНГНЫ ХАНШИС
АЛАЧЕВ В. С.

Редактор ПОДЛЕТНИН А. Г.

Рисунукыт верыс КОЖИН Б.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД ★ 1989

А. ЛЯПИДЕВСКИЙ
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЧЕЛЮСКИНЦЫ

НА ХАНТЫЙСКИЙ ЯЗЫК
ПЕРЕВЕЛ В. С. АЛАЧЕВ

Редактор А. Г. ПОДЛЕТИН

Рисунки художника Б. КОЖИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД ★ 1939

Советска Союз Герой Анатолий Васильевич ЛЯПИДЕВСКИЙ

МА ОЛЫНГЕМНЫ

Хун ма ая усым, мунг Россия нум пелькны Кубанска областьны усув. Ма асем унл'тыты хоя ус, ангкем унл'тыты нэнга ус. Тум пораны унл'тыты ёх нушая усyt. Тал'ны ма унл'тыйл'сым, а л'унгын кулак — кося хоси ропитсым: л'ув вой пактыл' л'авыл'сым, косяя подсолнухыт эвытсым (матот ма киньси кат пуша карсяшик усyt), пшеница копнаит тока масым, кося л'овл'ал' вошитсым. Си пораны манэм л'апыт ол', нивыл'мит ол' ус.

Велика пролетарска революция ювпин ма кулак хоси рпитта вуськысым. Ма ямыс унл'тыйл'та питсым, манэм пурл'ыта шенгк ун л'ангхаты верем ус. Унл'тыйл'сым ма хув—и начальна школаны, и средня школаны, и лётчыкыт школаны Ленинградны, и сёрыс лётчыкыт имени товарищ Сталин школаны па ювол'ынгны лётчикая йи-сым. Ун машина манэм масы и сял'та Дальна Востока китсаим. Тота ма и пурл'ысым.

1934 ол'ны Енгки океанны тутынг хоп „Челюскин“ йингка шуй-тыс. Ма и па лётчик ёх челюскинцыт л'ыл'л'ал' этл'тыта китсаюв. Си пораны ма янг нэ л'ыл'л'ал' па кат няврем, Алла па Карина л'ыл'нгыл'ын нох этл'тысым. Челюскинцыт л'ыл'лал' этл'тыта пата Ленин орденны па советска Союз Герой нэмны масыим. А товарищ Ворошилов унл'тыйл'та маныт китсыл'е — Военно-воздушна академия китсыл'е. Ма тота нял' тал' мар унл'тыйл'ым и иса предметыт пата „отлично“ оценканы мал'ыим.

Ун ойнгем тонял' манэм питыс: ма Верховна Совет СССР депутата нирийсаим.

Ма л'ангхал'ым, нявремыт, ат нын яма унл'тыйл'сыты л'ул'н па мунг родинаев люпитсыты л'ул'н. Си пораны, мосынг, ар ёх нын кут-эл'ын эвыл'т, хун уна йил'ыт, Советска Союз орденыт мевл'ал' ухтыны тайта питл'ыт.

А ин ма си ол'ынгны потыртл'ым, хоты ма челюскинцыт л'ил'л'ал', этл'тысым.

А. Ляпидевский.

О В Ы С А

Ун енгк шукатты тутынг хопны „Челюскин“ мунг странаев пал'тапл'ы ёх овыса мансыт.

Л'ыв оша верта вуратсыт, муйсыр тота ул'ыпсы па рахыл' муй антом Енгки сёрыс хуват тутынг хопыта янгхта.

Мет ун хоя тутынг хопны Отто Юльевич Шмидт ус.

А капитана — Воронин.

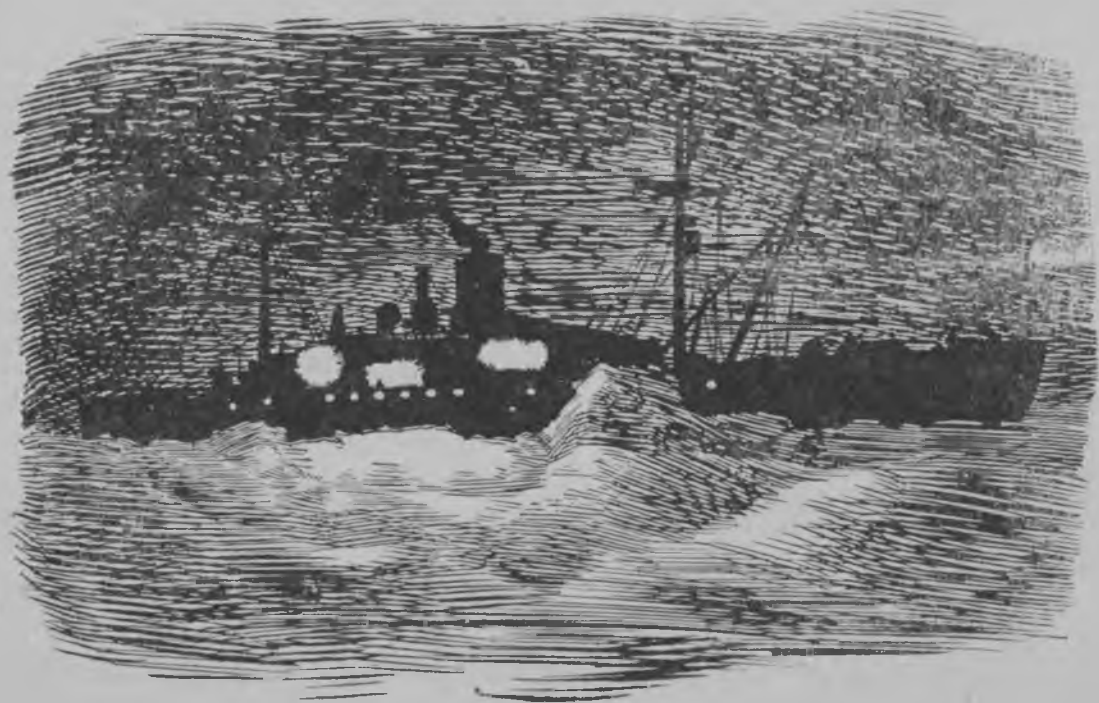
Радиостанция, сопас летот, хошим л'умтсохыт, бензинынг бочкаит и па арсыр отыт тутынг хопа л'ел'тыл'сыт па мансыт.

Ситыса тутынг хоп ий тылысь, кимит тылысь маныл'. Тал'а йис. А Овысны тал' пал'тапынг-хув па иськи. Овыс сёрыс хуват ун енгк пайшивет ноп-тыйл'аит. Л'ыв ухтыл'а вотны йингк тэмл'а, йингк иськины-потл'а, па енгкыт си онтысны иса кул'а па карся йил'ыт. Тух енгкыт тал'анг сангхымыта энымл'ыт.

Капитан бинокляя вантыс. Хота енгк кутны йингк хули шивал'ыл', тутынг хоп сив тул'л'е.

Ситы „Челюскин“ пал'тапынг новы енгкыт кутны айл'та ел'лы маныс.

Муйкем ел'лы мансыт, си киньси енгк иса кул'а йита питыс, а йингк хулэт иса всяшик йита питсыт.

„Челюскин“ пароход капитан орденносец В. ВОРОНИН

Сора йингк хулэт иса антома йисыт. Куш хол'та вантта — нюр енгкыт.

Си пораны ата йис. Туп симись антом, хоты па пельк муvны, а янас сир — полярна ат. Л'ув ар тылысь мар маныл'. Ар тылысь мар хатл' антом, йса мар патл'ам иса мар ат. Туп морт пораны овыс йирны турм хар вуситыйл'.

А енгкыт иса нёртыйл'ыт, тутынг хопа пасирт-л'ыт.

Л'увел' л'ыв моxыл'л'ыт, ар пельк эvыл'т пасирт-сыт, ел'лы манта ант мал'ыт.

Сиртны Шмидт хол' челюскинцыт акытсыл'е па лопыс:

— Товарицит, енгкны мунг тохыртсаюв, ант эсл'лаюв! Тата тал' мар ул'та питл'ув. Мунг хосевны л'етот ар, хошим л'умтсоx ар, радио, нарсты отыт, кино, книгаит ул'л'ыт... Л'ухыс сирны ул'та питл'ув, марсема ул'та ант питл'ув!

Капитан Воронин тутынг хоп вол'ыл'сита партыс.

„Челюскин“ хусл'ы питыс. Вунт л'арийта вол'ыис. Турпа нумпины пусынг па антом. Машинаит хусл'ы ул'л'ыт.

Туп челюскинцыт ант вол'ыйсыт.

Л'ыв ропитсыт, унл'тыйл'сыт, л'унгтсыт, юнт-сыт.

Л'ыв тутынг хопны усыт, мет пул'янг хотны. Туп ишни сайны ов ел'пи па курт хули антом ус: тота ол'нгыл' такл'ы Овыс океан, матот енгки сангхымытны па енгки кераситны лап л'евытман.

„ХОЛЫЕВА ЕНГК УХТЫЯ!“

„Челюскин“ енгка потса па ноптыйта питса хол’та вотны муй сёрыс овны енгк тул’ы, сив па „Челюскин“ л’ув ювпел’ны кашл’ы маныл’.

Тутынг хоп хув ноптыйл’ыс. Енгкыт ситы пасирт-сыт, туп тутынг хоп поит картамысыт.

Шмидт челюскинцыт акытсыл’е па лопыс:

— Товарищит, л’еситыйл’ман ул’та мосл’. „Челюскин“ поит такыт, туп енгкыт л’ыв киньси та-кшикыт. Иса пормысл’ув палубая этл’тыл’ув. Пал’тап вер ёхатл’ки, мунг ий мар иса енгк ухтыя вусь-кыл’ув!

Ситыса версыт: И яма версыт! Хатл’ эл’ты ун пал’тапынг сый марытыс, мет мол’ты ун пушка эвыл’т эсл’са. Енгк иса юрны пасирта питыс. Тутынг хоп поит карта питсыт. Тутынг хоп торийта питыс. Си киньси шёнгк кул’ нёмыр ишни лисыт ишнитны торийсыт.

Вот пол’та питыс Хумпыт этымысыт, ий потым енгк пай па потым енгк пай ухтыя тэмта питсыт. Л’ыв ун енгки сангхымыт иты иськины потсаит. Ий симись енгки сангхым тутынг хоп хоси вана ванамыс па л’ув пунгл’ыл’а иса юрыл’ны хат-сисл’е. Вутынг хул тывыс. Сив енгк паста л’онге-мыс па каютыт, буфетыт, машинаит—иса шукатта питыс.

„Челюскин“ йингка шуйтта питыс. Л’ув нёл’ыл’

йингка л'онгыс, а сэвсыл' нох этыс. Тутынг хопа ий пуша манта порая ювмал'.

Туп челюскинцыт ант пакынсыт палуба эвыл'т л'ыв л'етот, инструментыт, ол'ты хырет, л'умтсохыт, палаткаит — иса пормысл'ал' паста воськыта питсыт...

Каютаит карталя'ыт, тутынг хоп поит шукатл'ыт, мохыл'ая пал'тапынг енгкыт, вот увыл', тутынг хоп си па си шуйтл', туп челюскинцыт, пал'тапл'ы па рома ропитл'ыт.

Па туп хун йингк нумпины ай сэвыс сьонгк хасис, капитан Воронин партыс:

— Хол'ыева енгк ухтыя! Сырыя нэнгыт нявремыт пил'ны, сял'та хасим ёх!

„Челюскин“ ухтын янг нэ па кат ай эвие — кат ай челюскинец — усыт. Итл' „Челюскинны“ сэма питыс. Л'увел' нэмыл' масы Карина сит пата, хун тутынг хоп Карска сёрыс хуват маныс, л'ув сиртны сэма питыс. Кимитл' Аллочкая вохса.

Кариночка хол'на шенгк ай ус, хут тылсип ус. Аллочкая уншик ус кимит ол' шупыт. Л'ын ангкенгыл'ын л'ыныт иса мар палуба хуват ай телегайнгынны тал'ыйл'сайнгын, мет бульварны.

Интам, хун тутынг хоп шуйтта питыс, ангкенгыл'ын Аллочка па Кариночка ал'емыснгын, лангкыпа па пунынг сохыта ёвырсыл'ын па енгк ухтыя эсл'омтсангын.

Л'ын ювпин хасим нивыл' нэ эсл'омтысыт.

Л'ыв ювпел'ны икет эсл'омтыта питсыт.

Ин си — сот кат челюскинец енгк ухтыны, а хул'ым хо хол'на тутынг хопны: начальник Шмидт, капитан Воронин па иса „Челюскин“ пормысыт заведующий Могилевич.

Воронин увтыс:

— Отто Юльевич! Могилевич! Эсл'омтал'н. Нын ювпел'ны ма!

Капитан ийвол'ап шуйтты тутынг хоп эвыл'т ювол'ынга маныл'.

Отто Юльевич эсл'омтыс, Воронин иси эсл'омтыс, а Могилевич вотэмыс. Л'ув аршик пормыс тутынг хоп эвыл'т нох вута вутсийл'ыс, сит пата туп, ат енгк ухтыны Челюскинцыта нэмомл'ты ант тармыты от ант ат ус.

Л'увел' увытсыт:

— Сорашик! Эсл'омта!

Л'ув курыл' эсл'омты сирны ал'емысл'е. Роман ун бензинынг бочкаит л'арыйсыт. Итны л'ыв эвыл'тэл' Могилевич ил' вел'са. Л'ув керийс.

Челюскинцыт л'ув хосел'а нётта хухыл'мыта вутсийл'сыт, туп роман иса ун тутынг хоп ий мар йингка шуйтыс. Л'ув пил'ны яха пал'тапл'ы полярник Могилевич шуйтыс.

Тота, хотя ин туп йингк нумпины ям па хошим челюскинцыта унтым хот — тутынг хоп — ус, тота ин-там питы йингк хулы ҳасис. Л'ув хуватэл' хулэнг енгкыт, павыртыт, л'арасит, бочкаит ноптыйл'саит, па си киньси нэмомл'ты антом.

ОЛЫНГ РАДИОГРАММА

Интам енгк ухтыны, хувын-хувын муv эвыл'т, хувын-хувын куртыт эвыл'т сот нял' хоят хасьсыт. Овыс иськи вот пол'. Мохыл'ая—ант путл'ыты енгки хар.

Начальник список вусл'е па нэмл'ал' сирны инсита питсыл'е.

— Капитан Воронин?

— Тата!

— Радист Кренкель?

— Тата!

Советска Союз Герой Э. КРЕНКЕЛЬ и радист С. ИВАНОВ

- Фотограф Новицкий?
- Тата!
- Радист Иванов?
- Тата!
- Летчик Бабушкин?
- Тата!
- Художник Решетников?
- Ма!
- Ученый Ширшов?
- Тата!
- Алла Буйко?
- Л'ув тата, — Аллочка асел' ёхл'ы лопыс.

— Карина Васильева?

Кариночка ангкел' л'ув патангел' ёхл'ы лопыс:

— Л'ув тата, ма пил'емны!

Начальник хол'ыева вохсыл'е, хол' ёх тата усыт. Туп хун начальник исьмийл'ыс: — Завхоз Могилевич? — Хусл'ы питыс. Нэмхоят ёхл'ы ан лопыс.

Челюскинцыт шокасьсыт, охл'ал' ил' эсл'сыт. Йингка шуйтым пил'хоел' л'ывел' шал'.

Л'ыв л'ыл'л'ал' ол'ынгны л'ыв ан шокасьсыт. Л'ыв уйтман тайсэл', л'ыв л'ыл'л'ал' этл'тыл'аит, енгк ухтыны ант хайл'аит.

Начальник лопыс:

— Товарищит полярникыт, палаткаит-хотыт омысл'ув, муй мунг „Челюскинэв“ эвыл'т хасис, иса акытл'ув. Енгк ухтыны нётыпсы унта ул'та питл'ув.

Ол'ынг ат хол'ыева енгк ухтыны ол'ты хыретны ол'сыт. Ал'ынг вуш эвыл'т ропотал'ал' така манта питсыт.

Тох ёх палаткаит — хотыт ара омсыл'та питсыт. Па ёх йингк эвыл'т павыртыт, бочкаит, л'арасит — иса, муй „Челюскин“ ювпины ховытыс, енгка тал'сыт.

Аллочкая па Кариночкая мет хошим палатка масы.

Радист Кренкель радио л'еситта питыс. Пил'ехл'ал' л'увел' нётсыт.

Л'ыв ёшл'ал' иськины потсаит, веншл'ал' иськины певыл'саит, туп л'ыв ан вол'ыйман ропитсыт па ропитсыт. Ун юрл'ал'ны антенна енгка л'осьсыт. Л'ув вотны ил' павытса, туп радистыт л'увыт йил'па нох л'осьсыт.

Сял'та Кренкель палаткая л'онгыс, хул'ыма ма-
кыртыс, наушникыгын л'умытсыл'е па сёрыс хонынг
вохта питыс.

Сыры радио атма ропитыс. Сёрыс хонынг хусл'ы
ус. Хув па ар сёс мар Кренкель ропитыс. Роман л'ув
увтыс:

— Товарищ Шмидт, товарищ Шмидт, радио
ропитл'!

И товарищ Шмидт Москва—товарища Сталина
радиограмма китыс:

**„13 февральны, 13 сёсны 30 минутны, „Челюс-
кин“ тапыл'ты энкытны шукатса, йингка шуйтыс“.**

Там ол'ынг радиограмма Шмидт лагерь эвыл'т ус.

НЁТАТЫ, НЁТАТЫ!

Хун туп товарища Сталина там телеграмма ёхтыс,
л'ув ий мар челюскинцыт л'ыл' эл'тыта вуянта парт-
сыл'е. Мет ун хоя си нётыпсы ропотаны председа-
тель Совнаркома СССР заместитель товарищ Куй-
бышев ус.

Л'ув партыс:

— Овыса тутынг хопыт китта. Самолётыт китта.
Ампытны кырым ухл'ыт китта. Челюскинцыт л'ыл'
эл'тыты пата иса верта мосл'.

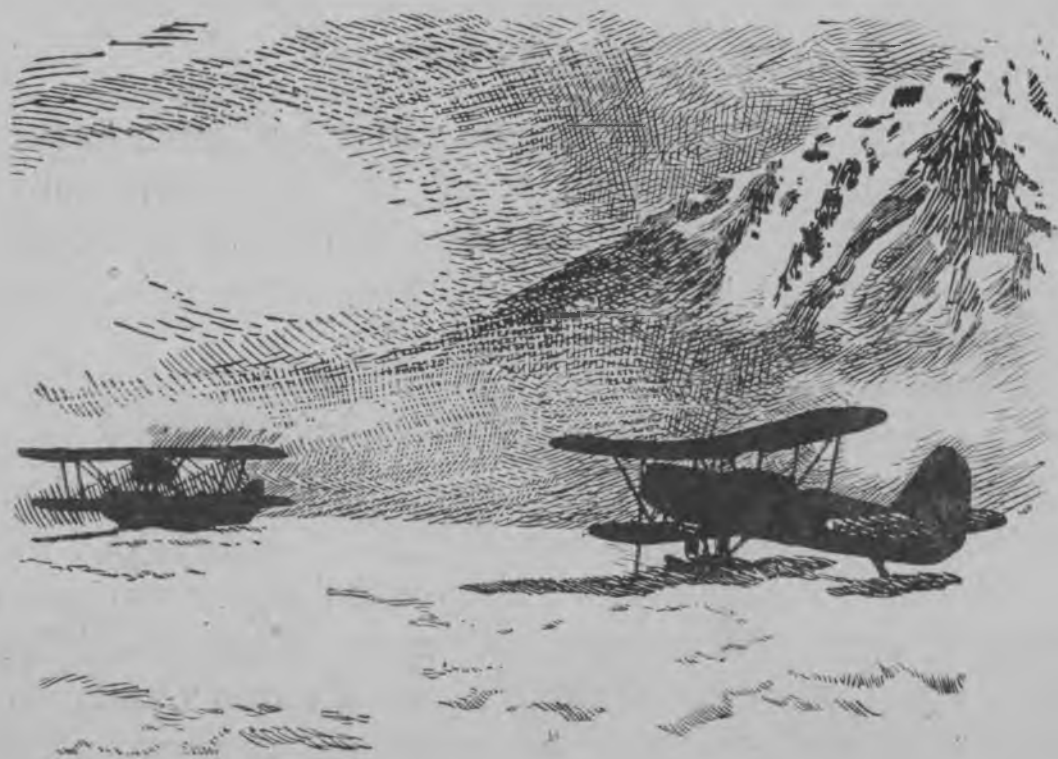
Иса мир энкк ухнтыны ул'ты ёх ол'ынгны потыртта
питыс. Иса нумста питсыт, хоты л'ыв л'ыл'л'ал'
этл'тыта. Туп империалистыт л'ыкынга атэл'т увытсыт:
„Челюскинцыт л'ыл'л'ал' ант этл'тыта, самолётыт сив

ан ёхытл'ыт, лётчикыт рава шукатл'ыт. Л'ыв хо-
сел'ны ий вер—курны энгк хуват мув унта манта.
Вевл'ы икет, имет па нявремыт сив ан ёхытл'ыт,
иськины потл'аит, туп си киньси юрынг ёх тал'анга
хасъл'ыт“.

Но советска ёх-янас сирны потыртл'ыт. Па ин са-
молётыт паста овывса мансыт. Тутынг хопыт па энгк
шукатты тутынг хопыт овывса мансыт. Ампытны
кирым ухл'ыт хухыл'мысыт. Иса Шмидт лагерь хоси
ёхытта вуратсыт.

* * *

Си пораны Дальна Востокны ма ропитсым. Това-
рищ Куйбышев эвыл'т ма хосема телеграмма ёхтыс:

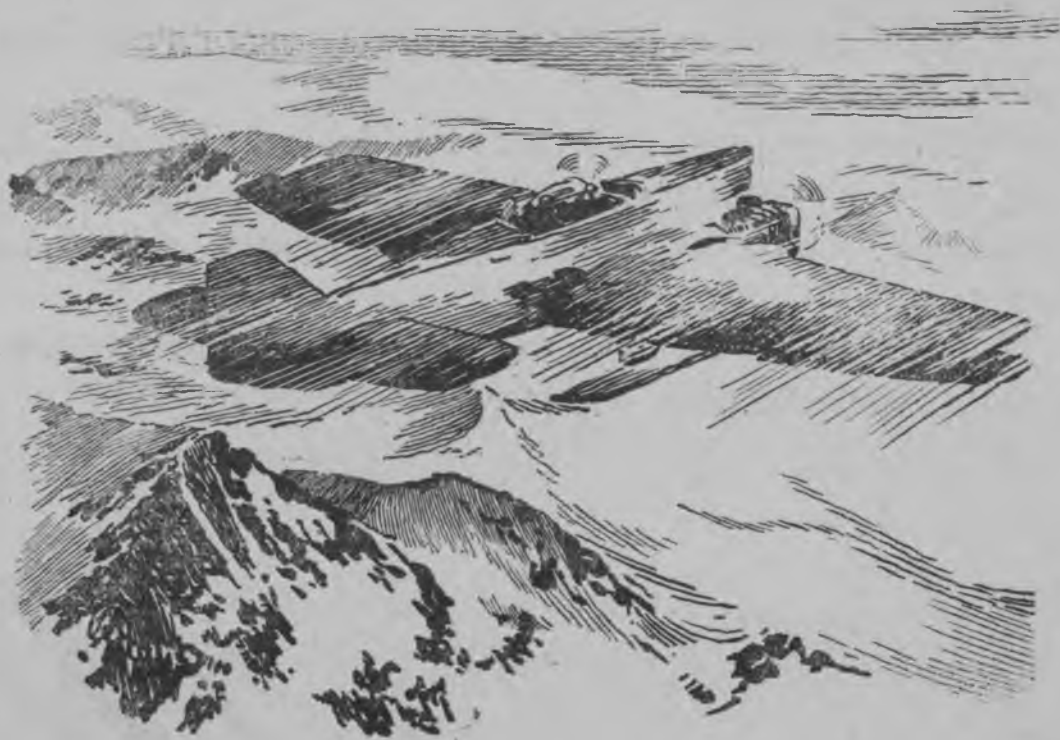

„Хол' вер вераты челюскинцыт л'ыл'л'ал' этл'тыты пата“.

Ма хув нумыста ант питсым. Иси пул'янг ма пил'ёхл'ам — летчик Конкин, штурман Петров, механик Рукковский — вохсым, л'ывел' телеграмма ал'сэм па лопсым:

— Сорашик машина л'еситаты, моторыт хошмыттаты, челюскинцыт хоси пурл'л'ув.

Самолёт ма хосемны куш йил'ып антом ус, туп ун па кат моторынг.

Мунг паста актысьсув па пурл'ысув.

Кен лопта — пурл'ысув. Овысны ванкутл' атым турым — вотас, шив, пухрем. Мунг, лётчикыт, симись турым „ан янгхты“ сирны вохл'ев. Овысны тал'ны аэропланны яма янгхты турым кута-кута ул'. Ил'ампи мунг Москва эвыл'т мет хув тахия — Дежнев нёл'а пурл'ысув. Тота хорамынг нэмып ай куртые Уэлен омысл'. Уэленны чукчи ёх па эскимос ёх ул'лыт.

Хун мунг туп тох ёхытсув, вотаса йис. Челюс-

кинцыт хоси пурл'та ан рахыл'. Мунг чукчи ёх пил'а ул'та
питсув, аэропланны янгхты турым л'авыл'та питсув.

Тота чукчи ай пох пил'ны ма л'ухыс версым.
Л'увел' вет ол' ус, а л'ув сам ухыл'а ампыт кирта
хошис. Тух пораны л'ув ай турып пушкан—винче-
стер—вуйл'ыс па, мет ун хо, вой вел'та янгхыс. Л'ув
нэмыл' — Ильянинген.

Имол'тынг Ильянинген хул'ым амп пил'ны вой
вел'та маныс па ёхи ант керл'ыс.

Ий хатл' парыс — л'ув антом! Кимит хатл'
парыс — л'ув антом!

Ай чукчи асел' хот эвыл'т ким этыйл'ыс, увтыйл'ыс:
— Ильянинген!

— Ууууу! — ёхл'ы вот увтыс.

Ангкел' иськи кута ким этыйл'ыс, увтыйл'ыс:

— Ильянинге-ен!

Вьюююю! — ёхл'ы вот увтыс.

Ма па л'увыт каншта электрическа фонарие пи-
л'ны ким этыйл'ысым.

— Ильянинге-ен! Ильянинге-ен!

— Ууууу! Вьююююю! — ёхл'ы тарым вот увтыс.

Ий пуша маныс вой вел'ты ай хо.

Асел' па ангкел' шокасьта питсангын.

Роман ал'ынг ампыт хорытта питсыт, па хота
л'онгыс... ай Ильянинген!

— Хота нанг усун?

Сютэвыл' вой вел'ты тахел'ны л'ув пал'тап во-
тасны хойса. Ёхи керл'ыта пись антом ус. Вой вел'ты
ай хо ант пакныс, Л'ув соха ёвыртыл'ыс, л'онься

хырысыс, ампл'ал' пунгыл'а понсыл'е. Л'ыв ухтэл'а ун сурты пай сэвэйса, л'ывел' тота хошима ус. Ситы л'ув лоньсь ил'пины кат сутки мар ол'ыс. Хун вотас вол'ыис, л'ув л'оньсь хырсыл'е па ёхи керл'ыс.

Ма л'увыт исьмисэм:

— Иськины ант певымсаин?

— Антом, туп нёл'ем еша иськины пасьса.

— Ампл'ан хотыса?

— Антом, л'ыв ямыт, л'ыв маныт хошмыл'сэл', мет л'ыл'ынг курыт.

Ма иса хол'на ан веритсым — там пал'тапл'ы во вел'ты хоя туп вет тал'! Л'увел' туп ин си детска сада янгхта!

Вотас вол'ыис. Турым ямашика йис. Мунг мото-рыт паста хашмытл'ысув па сёрыса челюскинцыт хоси пурл'ысув.

Манл'ув-манл'ув, а лагерь хол'на антом! Ма само-лётэв ям пелыка па пува пелыка керыл'ем — челюс-кинцыт каншл'ым. А л'ыв хол'на антомыт. Бензин шимыл'а йис. Муй верта? Кертта мосл'. Кашл'ы ёхл'ы манл'ым. Бензин хол'ата питыс: туп-туп Уэлена керл'сув.

Хатл' эл'ты, ар бензин вусув, паси мансув. Туп нох пурл'сув, вотаса йис. Нэмол'ты ант кал'л'. Паси нюра ёхл'ы кертсув.

Вотас, мет мунг пел'ева, няхыс. Ма л'икасьсым. Тота, енгк ухтыны, пил'ёхл'ув, нэнгыт, нявремыт. Л'ывел', мосынг, иськи па л'ел'ы, л'ыв лётчикыт л'авыл'ман л'авыл'лыт, а ма тата сёрыс хонынгни л'арийл'ым па л'ыв хосел'а ёхытта ант мошитл'ым.

ШМИДТ ЛАГЕРЬ

5-мит марта йис. Ям турым, этыр хатл'. Ал'ынг вуш эвил'т шенгк иськия йис — 37 градус.

Ма номыс версым: куш муй ат тывыл', манл'ув!

И мансув: ма, Конкин, Петров, Руковский. Ил'ын — ол'нгыл' ан кал'ты енгки хар. Л'ув енгки сангхымытны па енгки кераситны тэмман. Вантыйл'ув — лагерь ант кал'л'!

Сёс мар манл'ув — лагерь ант кал'л'! Кимит сёс шуп манл'ув — лагерь ант кал'л'!

Ма сэмнгол'ам кашитта питсангын: шенгк ар юр понман ил' вантсым.

Нум вот пол'та питыс. Енгк хулэт нумпины шив этымыс.

Мунгев кал'ыл' — пусынг. Ванкутл' мунг эвил'тэв хоят нох л'ол'ыйл'ыс:

— Лагерь!

Туп там лагерь антом ус, сит шив. Ванкутл' мунгев енгки паит нумыл'та палатка иты кал'ыт, мунг паси ий хо па хоя увытл'ув:

— Лагерь! Лагерь!

Туп там лагерь иси антом ус, сит туп сэмл'увны л'эпыл'тсаюв.

Роман мунг пул'янг пусынг шивал'сув. Мунг пал'сув: мосынг там паси шив?

Роман пусынг пунгыл'ны мол'ты йипл'ымтыс. Вантыйл'ув, кал'ыл': вышка, хот, палатка. Ин мунг ошинга увытсув:

Челюскинцыт Ляпидевский самолет ий енгк шуп эвыл'т янас енгк шупа тал'ел'.

— Лагерь! Лагерь!

Ювол'ынга ёхытсув. Ма лагерь нумпины кат лак версым. Челюскинцыт амытсыт. Хой „ура“ увыл', хой миль нох тахыйл'. А ма нумыл'та енгки пая вантыйл'ым, нумысл'ым: хоты л'атта. Ма хосемны самолет ун, а енгк пай ай. Сыры л'ув, уншик ус, туп катна л'онгхемыс. Ай енгк пайны аэродром хасис, мата челюскинцытны л'еситса, ун енгк пайны—иса лагерь. Л'ын кутэл'ны вутынг енгк хул.

Нэмоп'ты ан верл'ын—л'атта мосл'. Ма, туса вантман па л'авыл'ман, л'атта питсым. Иса ил'и, ил'и... тармыл'!

Туса л'атсым. Кабина эвыл'т ким этсым. А челюскинцыт ситы напытсыт—мунгыт апыл'тыта, мосл'тыта, л'ыв хосел'а тапыл'тыта питсыт, мет мол'ты ай нявремл'ал'...

Л'ыв си хорасыпыт—ант уйтман пакынл'ын. Пунынгыт, тушингыт, тушл'ал'ны енгк сюртахет сурыйл'ыт.

Ма лопл'ым:

— Там мунг нынан шоколад (мав) тусув. Л'еваты!

Л'ыв ёхи лопсыт:

— Пумосипо, шоколад (мав) ан мосл'. Нын мунг „дворецева“ л'онгаты, мунг ныныт каврым какаоны мойл'ыл'ув!

„Дворец“ липия л'онгсув. Там—ай палатка. Ишния ишни лис юкана ун кеван понман. Хот хар л'арасит эвыл'т. Ий л'арась—пасан. Кимит л'арась—

Советска Союз Герой Отто Юльевич Шмидт

омсты пасан. Пасан ухтыны „стакан“ — консервна
банка. Сит пунгыл'ны — портун ай кеван тут кел'
(пуш) пил'ны — там лампа. Лампа пунгыл'ны — л'ыв
верым, фанера эвыл'т эвтым, шахматыт.

„Дворец“ кутл'ыпны — л'ыв верым, карты бочка
эвыл'т верым, кур.

А л'ыв верым курел' ухтыны л'ыв верым кастрю-
ляел'ны пул'янг, эпл'ынг какао хошмыл'.

Туп яньсьта л'увит ант ёхтантыс. Ун энгк пай
эвыл'т челюскинцыт хухыл'ман ёхытсыт. Л'ыв мунг
хосева шенгк л'ангхасыт, туп энгк хул торастыс.
Сиртны л'ыв хоп тал'сыт, энгк хул шупа вуншсыт па
хухыл'мысыт.

Л'ЫЛ' ЭТЛ'ТЫШСЫ

Тата ма Шмидт шивал'ысым. Тушил' хув па иса
енгкны потса. Л'ув пунгл'ыл'ны — Воронин.

Иси тата Аллочка Кариночка пил'ны.

Асенгыл'ны л'ын лап ёвырсайнгын, шаншнгыл'ына
йирсыл'ын па л'ын пил'ел'ны хухыл'мыснгын.

Самолёт эвыл'т иса шенгк амытсыт. Иса мосл'тый-
л'ыт, апыл'л'ыйл'ыт. Воронин Шмидт мосл'тыл',
Шмидтны — Воронин. Хоят' увтыс:

— Вуся ул'а Советска авиация!

Кимит хо нётыс:

— Вуся ул'а ол'ынг самолёт энгк ухтыны!

Сял'та ма штурман Петров курнгыл' шивал'ысым.

Л'ув амтыпсы эвыл'т нох тахыйса, л'онься павытса —
тота л'ув курнгол'ны ёвыл'л'.

Челюскинцыт потыртсыт:

— Мунг уйтман тайсэв, мунг л'ыл'л'ув этл'тыл'айт!
Си пата енгк ухтыны ий номысны па пал'тапл'ы ул'л'ув.
Си киньси стенгазета эсл'л'ув. Л'ув нэмыл' — „Не сда-
димся“ („Ан миянл'ув“).

Кариночка асел' лопыс:

— Мет л'авырт — аэродром верта. Енгк туп систем-
л'ын, л'ув ухтэл'ны аэродром л'еситл'ын, а енгк шу-
па лонгхыйл', шукатыйл'. Па енгк ухтыны аэродром

л'еситл'ын—ванта, л'ув па лонгхыйл'ыс. Туп мунг сит
эвыл'т вева ант йил'ув. Мосмытл' ки—сот аэродром
л'еситл'ув!

Ма иньсиссым:

— Хотыса ай нявремыт энгк ухтыны ул'л'ыт?

Л'ув ёхи лопыс:

— Ям! Л'ын шенгк люпитл'айнгын. Иса л'ын
ол'ынгел'нны заботитыйл'ыт. Мунг тата л'ыныт кат
пуш певл'ыпл'ысл'ув. Палатка пунынг сохны лангкы-
сэв иськи вот эвыл'т, па певл'ыптысл'ув. Кашинг
хатл'ны мунг верым ай туйтны л'ыныт тал'сыл'ув,
кул'яйтыпсы верл'ув.

Иса амтыйл'ыт, а ма ий ол'ынгны нумысл'ым:
„Л'атыйл'мысув мунг си куш л'атыйл'мысув, туп нох
пурл'та верымл'ув, муй антом?“

— Муй арат хо вута нумысл'ын, Ляпидевский?—
иньсисыс Шмидт.

— Ма, Отто Юльевич, иса нэнгыт вул'ым. Па
нявремыт — иси!

— А иса л'епл'ыт?

— Л'ел'л'ыл'ув!

Хол' нэнгыт л'есимсыт, челюскинцыт пил'ны ям
ул'ым версыт, самолёт л'ипия л'ел'та питсыт. Туп нэ-

мол'ты сирны ант л'епсыт! Л'ыв шенгк кул'ыт. Л'ыв сохытны ситы ёврытсисыт, каремыты сир антом, ёшны нёхтыты сир антом. Мунг сам л'ывыт л'ел'тыта вуян-тсув.

Мунг нэнгыт ёшл'ал' па курл'ал' эвыл'т катл'ый-сув па самолёт л'ипия омсыпл'ысл'ув. Си вер шенгк няхынг ус. Кинооператор аппаратыл' пил'ны хухыл'мыс па снимайта питыс.

Сял'та, Москваны, челюскинцыт нэнгыт там картина киноны шивал'ысыт па шенгк кантась-сыт.

— Муя там л'ел'тыпсы кино пата снимайта мосыс, л'ул'н иса ат вантл'ыт, хоты мунг самолёта, мет тут юхыт, л'ел'тысаюв?..

Ма лагерь пил'ны ям ул'ым версым, ястысым сора керытта па иси пул'янг тал'анг газ масым. Моторнгын увемыснгын. Нох яма пурл'сым. Ун амтыпсыны ма амытсаим. Ма челюскинцыта ёшемны ревийсым, л'ыв ёхлы милитны ревийл'ыт.

— Па ям ул'ым, потым енгк пай!

— Пасташик самолёт, мунгыт Уэлена тувал'н!

Кат сёс хус минут эл'ты самолет марык ил'пины Уэлен кал'ымыс.

Ма лак версым, вантл'ым—ил'ын иса куртынг ёх хухыл'ман акымсыт. Мунгыт хуньл'ыт.

Л'атсым. Чукчи ёх кашинга увл'ыт, амтыйл'ыт си пата, мунг тал'анга ёхытсув па лагерь эвыл'т хол' нэнгыт тусл'ув.

Л'ыв нэнгыт самолёт эвыл'т ким тал'тыта питсыт.

Кишинг хоят вуратыс куш мол'тыны челюскинцыт —
нэнгыта нётта.

Ма кабина эвыл'т ким этсым.

Чукчи ёх маныт лакка вусэл', ёшл'ал' тал'л'ыт, ар
пуш лопл'ыт:

— Какуме — ренена кляуль!

Сит симись: „Шенгк ям, лётчикыт!“

Ситы парыс ол'ынг ям пурл'ыпсы Шмидт лагеря.

ЛЯПИДЕВСКИЙ ЛАГЕРЬ

Ма шенгк амытман усым. Ма нумыссым: там
хатл' нэнгыт тусым, хал'евыт манл'ым, па мол'ты кем
хойт тул'ым. Туп ма сиремны ант тывыс. Кимит хат-
л'ны паси вотаса нэртыс, па симись тарм — нэмомл'ты
ант кал'л', ханнэхо кур эвыл'т ил' павытл'. Чукчи ёх
л'ыв хошапл'ал'а па сохл'ал'а лап ханемысыт. Си
кинъси ампыны манта ан рахыл'! Хоты пурыл'та!

Мунг самолёт пата пал'сув, л'ув вотны ант ат тусы
л'ул'н.

Конкин лопыл':

— Манл'ым артал'ыл'ем!

Ма лопсым:

— Нангыт тута чукчи воха, атэл'т — томыл'л'ын!

Л'ын мансангын. Туп хот эвыл'т этсангын, турм
вотас Конкина хойс — ил' павытса. Мяч иты мунг
Конкинэв л'арыйтыс. Чукчи увыл':

— Эой, Конкин, хота нанг?

— Ма тата енгк пай пунгыл'ны, — ёхл'ы Конкин увтыс, — ма вотны ил' павытсаим.

Чукчи тур сый сирны л'увыт уйтыс па лопыс:

— Ма молыпсиема така катл'а, веншен ханятэ ма нангыт тул'ем.

Конкин иса юрыл'ны чукчи пунынг молыпсиил' эвыл'т катл'ыс па ситы, ел'пи хо шаншил' сайны, самолет хоси ёхтыс.

Яръянг хатл' мар вотас нарысыс. Туп 14 мартны йил'па ям турыма йис. Пурл'та рахыл'! Мунг — со-рашик моторыт хошмыл'тыта, па челюскинцыт хоси пурл'ысув.

Иськи л'ыкынг — 40 градус. Мунг куш курл'ув эвыл'т охл'ув унта ёвырманыт, а иськины потл'аюв. Вотны пол'л'аюв. Но манл'ув. Лагерь иса ванашик...

Роман мол'ты картемыс. Муй симись? Пува мотор танграмман марийта питыс па хол' ториис. Си-си ира тохнэмл' па мува керийл'. Ин шангкап л'атта мосл', ситы мунг иса сорма йил'ув.

Ма шукатым мотор паста вол'ытсэм, газ шимыл'а версэм, а сам ил' вантл'ым: хол'та л'атта?

Ил'ын нюр енгки сол'амат, мет мол'ты хоят нёхи сэвырты ун картыны иса енгк рава сэвырса. Ма нётты хойнгыл'ама лопсым:

— Самолет л'ыва манал'н: машина нёл'ны ки хойл'; вел'анл'ыты.

Па енгк сал'амат пел'и иса вантыйл'ым. Ин си сурты паит кутны ай хар лот уйтл'ысым. Пирийта хун питл'ын. Кимит мотор нох вол'ытсэм, л'атта

манл'ым. Л'охнгын паинг енгка ханымсангын. Самолёт хухыл'ман—енгк пая, айл'та хатымыс, маркыл'ны л'оньсь хуват сюртысл'е па картямман вол'ыис.

Мунг кабина эвыл'т ким эсл'ымсув, самолётэв вантта напытсув. Вантл'ув: мунг самолётэвны „курыл“—л'ох муремыс. Тата нэмхол'ты па нэмоп'тыны л'еситта. Петров шокынга няхмыс:

— Кай, там Ляпидевский лагерь си!

Роман хувын, енгки паит сайны, мол'ты йипл'ымтыс, мет мол'ты мартытл'. Си этмыл', си па мартытл', си па этмыл', си па мартытл'. Мунг сыры нумыл'мысув—пенгкынг вой. Яма вантыйл'сув—сит хо мунг хосева хухыл'.

Сютэвыл', хув антом том тахи эвыл'т, хота мунг л'атсув, чукчи ай куртые ус. Ит чукчет эвыл'т мунг хосева хухыл'ман ёхтыс. Л'ув ветхосьянг километр рутситы такл'ы хухыл'мыс.

Мунг амытсув. Яна, потырта л'ув пил'ны л'авырт ус. Л'ув туп еша-еша русь ясынгны хошис, а мунг чукчи сирны—си киньси шимыл'шик. Ёш ясынгны аршик потыртсув. Тамись „потыр“ ювпины хув мар хошмыл'тсыл'ув. Ил'ампа оша версэв чукчи нэмыл' Увакатыргин па л'ув мунгыт куртэл'а вохыйл'.

Л'ув мунгыт нюмыр кибиткаил'а-ярангаил'а тусл'е. Хот хари па хот питрыт вой сохытны па выл'ы сохытны лангкманыт, яранга л'ипи хошапны катна ортман. Ол'ынг пелык—иськи, мет мол'ты мунг хосевны ким хотл'ув, муй л'епынг хотл'ув.

Тата ампл'ал' тайл'ыт, тата вел'ым воет па арсыр вел'пыс пормыс ол'л'ыт.

Кимит пелык—ул'ты пелык. Тота хошим. Кур па лампа юкана—хурие пенгкынг вой вуй пил'ны. Хурие л'ипины тунгк ол'. Л'ув вуйны пошл'а па вуситл' и хошмыл'.

Чукчи ёха иса ута па вантта мосыл'. Л'ыв интам унл'тыйл'ыт. Чукчи ёх шенгк ар нётсыт челюскинцыта нётым пораны. Л'ыв ампл'ал' мийл'ысыт, самолетыт л'еситты пораны нётсыт. Аэродромыт верта нётсыт, юш ал'ты ёха усыт, амп ухл'ытны летчикыт па челюскинцыт тусыт, нэмол'ты ант шал'итсыт.

Увакатыргин пенгкынг вой нёхины мунгыт мой-
л'ып'сыл'е, шайны яньсил'сыл'е па ол'та понсыл'е.

Ма ол'л'ым, па ям ол'ымны ол'мысл'ым (ут-
месл'ым). Мет мол'ты ма янг пуш Шмидт лагеря
янгхсым, па мет мол'ты иса челюскинцыт тусым, па
мет мол'ты ма капиталистыта лопл'ым:

„А, а, а, нын л'опсыты—советска летчикыт челю-
скинцыт л'ыл'л'ал' ант этл'тыл'ыт. А ин вантл'ыты:
хол' челюскинцыт л'ыл'л'ал' этл'тыманыт. А нын,
л'ыкынг капиталистыт, нэмолаты ант хошл'ыты“.

Ал'ынг ма нох кил'сым, чукчи яранга па ул'ты
пил'ёхл'ам шивал'ысым, самолет ол'ынгны нумыл'-
мысым па шокасьсым. Тота, шукатты енгк пай ух-
тыны, челюскинцит, а ма тата тахырсым! Сял'та ма
нумысмысым: „Я, хоты, мунгыт, советска лётчикыт,
ар. Ма ант нётл'ыл'ам, па ёх нётл'ыт“.

Ма еша кашинга йисым. Петров лопыс:

— Радио хуват Москвая мунг самолётэв ол'ынгны
ай-кел' китта мосл', си такл'ы нумыста питл'ыт, мунг
сорма питсув.

Увакатыргин амп ухыл'ны мунгыт Ванкарэм кур-
та тусл'е. Туп тота вотасны антенна менымса, па
тал'анг вет хатл' мар радио ант ропитыс. Иса ситы
нумыссыт—мунг сорма питсув. Ма сял'та американ-
ска газетыт вантсым, хотя ун букваитны ханшман
ус: „Русь полярна герой Ляпидевский сормыл'“. Ма
там газетыт л'унгытсым па няхсым.

Ванкарэмны мунг мосты пормыс вусув па амп ухыл'-
ны самолёт хоси—мотор па—„кур“ л'еситта керыл'сув.

Ропотаев айл'та маныс. Шенгк иськи ус, тарым
вот пол'ыс. Ванкутл' вотас торас верыс.

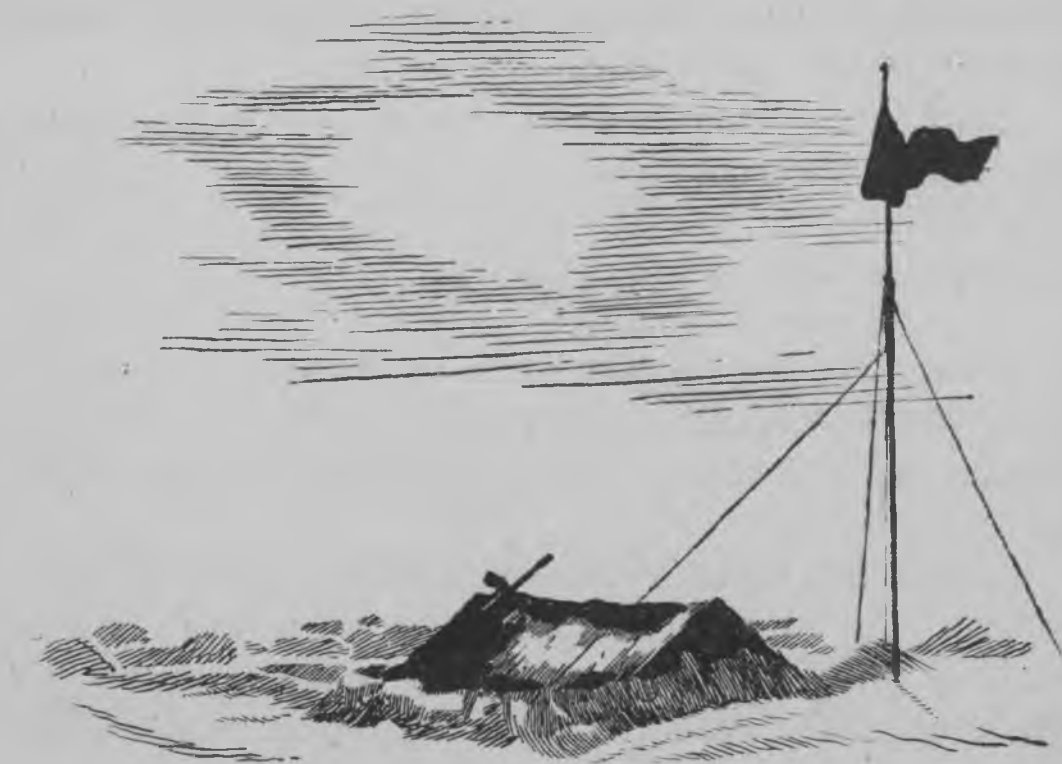
Самолёт л'еситты вер тылысь мол'тас кема маныс.
Тылысь мол'тас кема мунг иса мир эвыл'т ател'т усув.
Мунг ант усэв (войтсэв), челюскинцыт л'ыл'л'ал' этл'
тыманыт, муй л'ыв хол'на енгк ухтыны омысл'ыт.

Хатл'ны мунг ропитсув, а етны ал' пора. вана вер-
сув, хоты хошсув. Мунг чукчи ёх ясынг унл'тысув,
чукчи ёх русь ясынга унл'тысув.

Имол'тын Увакатыргин хухыл'ман ёхтыс па амыт-
ман увта питыс:

— Йил'ыт! Йил'ыт!

Хой „йил’ыт?“ Хол’ся йил’ыт? Мунг яранга эвыл’т ким этсув. Яна па, ухл’ыт йил’ыт. Мунг л’ыв есял’тэл’ хухыл’сув.

Челюскинцыт! Ийхосьянг хоят!

Л’ыв патангел’ мунг шенгк амытсув! .

Мосынг, верашик, хоты л’ыв мунг патангев, хун мунг л’ыв хесе’л’а енгк пай ухтыя ёхытсув.

Л’ыв потыртсыт:

— Хол’ челюскинцыт енгк пай эвыл’т нох вуйманыт. Хун нын тата самолёт л’еситсыты, лётчыкыт Молоков, Каманин, Водопьянов, Слепнев, Ле-

ваневский па Доронин хол' ёх нох вусыт. Енгк пайны нэмол'ты хоят ант хасис.

Тота, хота челюскинцыт усыт, Советска Союз флаг ёрынга ревийл'а.

ЁХЛЫ КЕРЛЫШСЫ

Мунг самолёт си л'еситсув па Уэлена ёхытсув.

А тота—тэл'ынга! Тота иса лётчикыт па иса челюскинцыт акымсыт. Чукчи ай куртны си арат хоят нэмхунты антом ус.

Сял'та иса мунг тутынг хопны' Владивосток воша тусьюв. Тол'та мунг, мунгев л'еситым, мет пасты поездны Москвая мансув. Поезд сикуш пасты ус, туп мунг айл'та мансув. Лопты ясынг ан тайлым, муй манты марны вернытыс! Кашинг станцияны, куш мет-мет ай станцияны, мунг есял'т уйтантысаюв (хуньсьсаюв) па хол' ёх ям ул'ым верта актысыйл'сыт.

Ун станцияитны ун митингыт верынтсаит. Ун оркестрыт нарыссыт. Ай станциятны ай оркестрыт усыт. Л'ыв исиморт шенгк кашинга па амытман челюскинцыт па лётчикыт пата нарыссыт.

Кашинг станцияны, кашинг станция шупны мунгев хорамынг липтыт па арсыр мойл'ыпсы масыт: альбомыт, скульптурыт, ёнтым хорамыт, фотокарточкаит, ханшим хорыт, моделит, ёнтотыт. Ий лётчика си киньси ай пурысь пошихны мойл'ыпса.

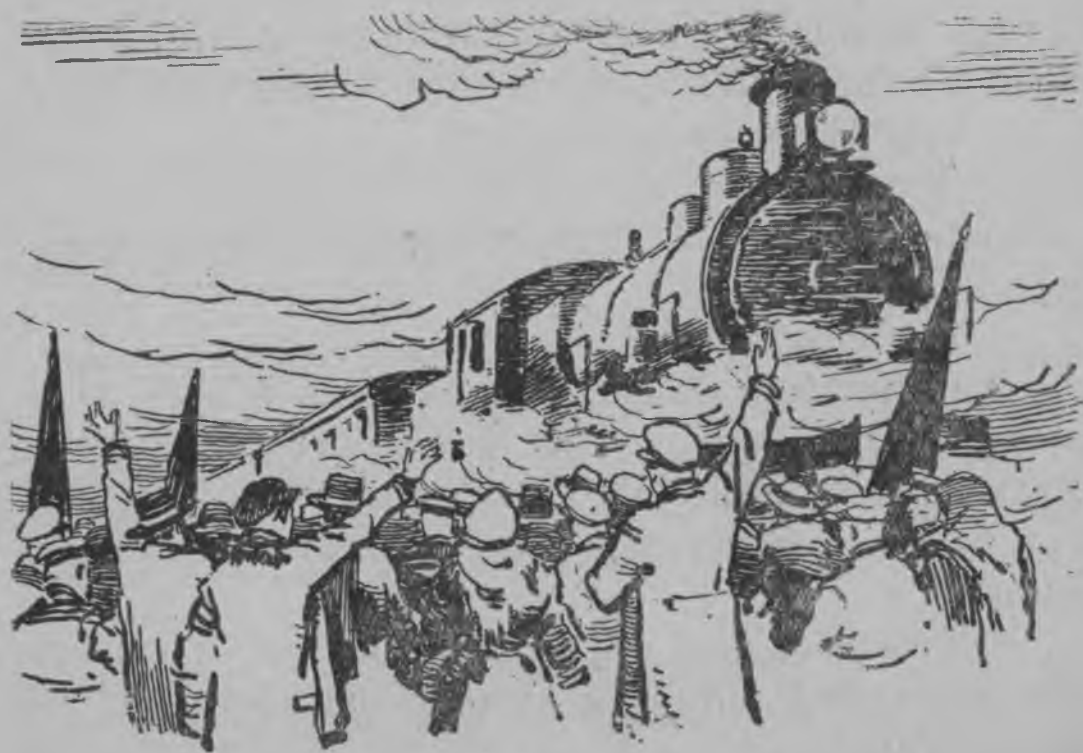
Мунг вагонл'ув мойл'ыпсыны си кема тэкинман усыт, каремыта тахи ант ус.

Си киньси мунгев шенгк ар торт масыит: тата арсыр тортыт усыт: нохыр сэм эвыл'т, шоколад эвыл'т, сэй сакар эвыл'т, ром эвыл'т, фруктыт эвыл'т.

Ай тортыт, ун тортыт, самолёт хорасыпа верым тортыт, корабль хорасыпа верым тортыт, портрет тортыт. Си киньси енгк пай хорасып тортыт усыт. Мунгев там тортыт иса л'ета ки, тал'анг тал' мар л'ыв л'евман ул'та рахыл' л'ул'н.

Ин си Москва!

Тата мунг ситы уйтантысаюв (хуньсьсаюв), потырта ясынг ант тармыл'. Иса Москва мунгыт уйтанта (хуньта) ким этыс. Иса тахел'ны портретыт, лозунгыт, знамяит, флагыт усыт. Музыка нарысыс. Хорамынг герлян-

дайтны ёвырлым машинайтны мунг Красна площадь тусьюв. А вош хулэт хуват, кат пелык хуват, москвичит л'ол'ьсыт. Л'ыв амытсыт па кашинга увытсыт:

— Ура! Челюскинцыта вуся!

— Лётчикыта вуся!

Красна площадьны мунг товарищ Сталин шивал'сув. Л'ув лопыс:

— Трибуная юваты!

Мунг трибуная ёхытсув па ел'пия л'ол'ьсув, а товарищ Сталин ёл'та л'ол'ис. Манэм ел'ем ус, товарищ Сталин ёл'та л'ол'ис. Ма си ол'ынгны л'увел' лопсым. Л'ув маныт ма л'ангкырем эвыл'т похтятсыл'е па ёхл'ы лопыс:

— Тата л'ол'яты! Мунг тата ванкутл' л'ол'ьл'ув, мунг хол'ыевны уйтл'ьюв (утыюв) па вантл'аюв! Иннын л'ол'яты!

Сял'та мунг Кремльны орденытны масыюв. Иса лётчыкыта—Каманина, Водопьянова, Молокова, Леваневскийя, Доронина, Слепнева па манэм—Советска Союз Героит нэмыл' масыт.

Красна звезда орденны иса челюскинцыт масыит.

Туп Аллочкая па Кариночкая ан масыйнгын, л'ын хол'на шенгк айнгын уснгын. Сит ай вер. Ма нумыл'ым, хун л'ын энимл'ангын, л'ын исиморт мол'ты геройска вер верл'ангын па л'ын иси орденытны мал'ыйнгын.

* *
*

Аллочка ин уна йис, л'ув сора школая маныл'. Л'ын Кариночка пил'ны Ленинградны ул'л'ангын. Ленинград нявремыт эвыл'т хоятны л'ыныт шивал'ыл' ки, шангкап ма эвыл'тэм вуся ясынг мияты. Ситы лопаты:

— Лётчик Ляпидевский эвыл'т. Л'ын ма сиремны, маныт ан нумыл'мыл'нгын, туп ма яма нумыл'мыл'ым, хоты л'ын, лап ёвырман, ма самолётэмны омыссангын...

А. ЛЯПИДЕВСКИЙ

Герой Советского Союза

Ч Е Л Ю С К И Н Ц Ы

О СЕБЕ

Когда я был маленький, мы жили на юге России, в Кубанской области. Мой отец был учителем, мать — учительницей. Тогда учителя жили бедно. Я зимой учился, а летом работал у кулака-хозяина: пас его скот, резал для хозяина подсолнухи (которые были вдвое выше меня), подавал копны пшеницы на ток, погонял хозяйских лошадей. Было тогда мне семь лет, восьмой.

После Великой пролетарской революции я бросил работать у кулака. Я стал хорошо учиться, потому что мне очень хотелось летать. Учился я долго — и в начальной школе, и в средней, и в Ленинградской школе летчиков, и в Школе морских летчиков имени товарища Сталина — и стал в конце концов летчиком. Дали мне большую машину и послали на Дальний Восток. Там я и летал.

В 1934 году в Ледовитом океане утонул пароход „Челюскин“. Меня и других летчиков послали спасать челюскинцев. Я тогда спас десять женщин и двух детей, Аллу и Карину. За спасение челюскинцев меня наградили Орденом Ленина и званием Героя Советского Союза. А товарищ Ворошилов послал меня учиться в Военно-воздушную академию. Я там учусь уже четыре года и по всем предметам получаю „отлично“.

Большое счастье выпало на мою долю в прошлом году: меня выбрали депутатом в Верховный Совет СССР.

Я хочу, ребята, чтобы и вы хорошо учились и крепко любили свою родину. Тогда, наверное, многие из вас, когда вырастут, будут носить на груди ордена Советского Союза.

А сейчас расскажу о том, как я спасал челюскинцев.

А. Ляпидевский

НА СЕВЕР

На большом ледокольном пароходе „Челюскин“ поехали смелые люди нашей страны на Север. Они хотели узнать, какая там жизнь и можно ли пароходам плавать по Ледовитому океану.

Самым главным на пароходе был Отто Юльевич Шмидт. А капитаном — Воронин.

Погрузили на пароход радиостанцию, запасы еды, теплые вещи, бочки с бензином и еще много всего — и поехали.

Вот идет пароход месяц, другой. Наступила зима. А зима на Севере страшная — долгая, холодная. По Северному океану плавают громадные льдины. Ветром на них нахлестывает воду, вода замерзает, и льдины делаются все толще, все выше. Некоторые вырастают в целые горы.

Капитан смотрел в бинокль. Где увидит между льдинами полоску воды, туда и поведет пароход.

Так „Челюскин“ потихоньку продвигался среди белых страшных льдин.

Чем дальше плыли, тем лед становился всё толще, а полоски воды — всё уже. Скоро их и вовсе не стало. Куда ни посмотреть — льдины.

Тем временем наступила ночь. Только не такая, как везде, а особенная — полярная. Она тянется много месяцев. Много месяцев подряд нет солнца, все время темно, все время ночь. Только иногда засверкает северное сияние.

А льдины все сжимаются, напирают на пароход. Окружили они его, стиснули со всех сторон, не дают ходу.

Тогда Шмидт собрал всех челюскинцев и сказал:

— Товарищи, лед запер нас, не пускает! Придется нам здесь зиму зимовать. Еды у нас много, теплых вещей много, есть радио, музыка, кино, книги... Будем жить дружно, не скучать!

Капитан Воронин приказал остановить пароход.

„Челюскин“ притих. Перестал вертеться винт. Нет больше дыма над трубой. Молчат машины.

Но челюскинцы не унывали.

Они работали, учились, читали, играли. На пароходе они жили всё равно как в настоящем доме. Только за окном был не двор, не улица, не переулок, а бесконечный Северный океан, загроможденный ледяными горами и скалами...

„ВСЕ НА ЛЕД!“

„Челюскин“ примерз ко льду и начал дрейфовать: куда лед понесет ветром или морским течением, туда и „Челюскин“ за ним поневоле тянется.

Долго дрейфовал пароход. Льдины напирали так, что стены трещали.

Шмидт собрал челюскинцев и сказал:

— Товарищи, надо быть начеку. Борты у „Челюскина“ крепкие, но льды еще крепче. Давайте вынесем все вещи на палубу. Если будет опасность, мы сразу все на лед побросаем!

Так и сделали. И правильно сделали! Потому что через день раздался страшный гул, будто выстрелили из большой пушки. Лед стал нажимать изо всей силы. Борты затрещали. Пароход задрожал. Даже толстые стекла в круглых окошечках задребезжали.

Подул ветер. Разыгралась волна, стала швырять льдины-холодины друг на дружку. Они смерзались в огромные ледяные горы. Вот одна ледяная глыба подошла вплотную к пароходу и со всего размаху ударила его в бок. Получилась широкая трещина. Туда хлынул лед и стал ломать всё — каюты, буфеты, машины.

„Челюскин“ начал тонуть. Нос его ушел в воду, а корма поднялась. Пришел пароходу конец.

Но челюскинцы не растерялись. С палубы они быстро стали сбрасывать на лед все вещи — еду, инструменты, спальные мешки, одежду, палатки... Трещат каюты, ломаются стены, кругом грозные льдины, ревет ветер, пароход вот-вот утонет, но челюскинцы работают смело и спокойно.

И только когда над водой остался небольшой кусочек кормы, капитан Воронин скомандовал:

— Все на лед! Сначала женщины с детьми, потом остальные!

На „Челюскине“ было десять женщин и две маленькие девочки — две маленькие челюскинки. Одна там и родилась — на „Челюскине“. Ее назвали Карина, потому что она родилась, когда пароход шел Карским морем. Другую звали Аллочка.

Кариночка была еще совсем маленькая — шести месяцев. Аллочка была постарше — полтора года. Мамы всё катали их на палубе, в колясочках, будто на бульваре.

Теперь, когда пароход стал тонуть, мамы схватили Аллу и Кариночку, закутали в одеяла и меха и прыгнули на лед.

За ними прыгнули остальные восемь женщин.

За ними стали прыгать мужчины.

И вот — сто два челюскинца на льду, а трое еще на пароходе: начальник Шмидт, капитан Воронин и заведующий всем хозяйством „Челюскина“ Могилевич.

Воронин закричал:

— Отто Юльевич! Могилевич! Прыгайте! За вами тогда и я!

Потому что капитан всегда последним сходит с погибающего судна.

Отто Юльевич прыгнул, Воронин тоже, а Могилевич задержался. Ему хотелось побольше вещей снять с парохода, чтобы челюскинцам на льду ни в чем нехватки не было.

Ему все кричат:

— Скорей! Прыгай!

Он занес ногу для прыжка. Вдруг покатались большие бочки с бензином. Одна из них сшибла Могилевича. Он упал.

Челюскинцы хотели было броситься к нему на помощь, как вдруг весь огромный пароход сразу затонул. А вместе с ним утонул и храбрый полярник Могилевич...

А там, где только что возвышался уютный, привычный дом челюскинцев — пароход, — там теперь осталась темная полоса воды. По ней плавали грязные льдины, бревна, ящики, бочки и — больше ничего...

ПЕРВАЯ РАДИОГРАММА

И вот на льду, далеко-далеко от земли, далеко-далеко от жилья, очутилось сто четыре человека. Дует холодный северный ветер. Кругом — непроходимая ледяная пустыня...

Начальник взял список и стал делать переключку:

— Капитан Воронин?

— Здесь!

— Радист Кренкель?

— Здесь!

— Фотограф Новицкий?

— Здесь!

— Радист Иванов?

— Здесь!

— Летчик Бабушкин?

— Тут!

— Художник Решетников?

— Я!

— Ученый Ширшов?

— Тут!

— Алла Буйко?

— Она здесь, — отозвался отец Алочки.

— Карина Васильева?

Мама Кариночки ответила за нее:

— Здесь она, со мной!

Всех назвал начальник, все были на месте. Только когда начальник вызвал: „Завхоз Могилевич?“ — стало тихо. Никто не отозвался.

Задумались челюскинцы, опустили головы. Жалко им погибшего товарища.

О себе они не очень беспокоились. Они знали, что их спасут, на льду не оставят.

Начальник сказал:

— Товарищи полярники, поставим палатки, подберем все, что осталось после нашего „Челюскина“. Будем жить на льду до тех пор, пока не придет помощь.

Первую ночь все спали прямо на льду, в спальных мешках — кукулях. А с утра сразу закипела работа. Одни стали разбивать палатки. Другие вытаскивали из воды бревна, бочки, ящики — всё, что всплывало после „Челюскина“.

Аллочку с Кариночкой поместили в самую теплую палатку.

А радист Кренкель стал налаживать радио. Товарищи ему помогали.

Руки у всех коченели, лицо обжигало морозом, но они все работали и работали. С большим трудом установили на льду антенну. Ее свалило ветром, но радисты ее снова поставили.

Потом Кренкель забрался в палатку, согнулся в три погибели, надел наушники и стал вызывать берег.

Сначала радио работало плохо. Берег не отвечал. Долго Кренкель бился, много часов. Но вот он, наконец, закричал:

— Товарищ Шмидт, товарищ Шмидт, радио работает!

И товарищ Шмидт послал радиogramму в Москву — товарищу Сталину:

„13 февраля, в 13 часов 30 минут, „Челюскин“ затонул, раздавленный сжатием льдов“.

Это была первая радиogramма из лагеря Шмидта.

НА ПОМОЩЬ, НА ПОМОЩЬ!

Как только товарищ Сталин получил эту телеграмму, он велел сейчас же взяться за спасение челюскинцев. Самым главным по спасательным работам был заместитель председателя Совнаркома СССР товарищ Куйбышев.

Он приказал:

— Послать на север пароходы. Послать самолеты. Послать собачьи упряжки с нартами. Надо сделать всё, чтобы спасти челюскинцев.

Весь мир заговорил о людях на льдине. Все стали думать, как их спасти. Одни только империалисты злобно каркали: „Челюскинцев не спасти, самолеты не долетят, летчики разобьются. У них один выход — итти пешком по льду к земле. Слабые мужчины, женщины и дети не дойдут, замерзнут, но зато сильные уцелеют“.

Но советские люди рассуждают по-другому. И вот помчались на Север самолеты. Пошли на Север пароходы и ледоколы. Побежали собачьи упряжки. Все старались пробиться к лагерю Шмидта.

* * *

Я тогда работал на Дальнем Востоке. И вот приходит ко мне телеграмма от товарища Куйбышева:

„Примите все меры к спасению челюскинцев“.

Я не стал долго раздумывать. Сейчас же вызвал своих товарищей — летчика Конкина, штурмана Петрова, механика Руковского, — показал им телеграмму и сказал:

— Срочно готовьте машину, грейте моторы, полетим за челюскинцами!

Самолет у меня был хоть и не новенький, зато большой, двухмоторный.

Мы быстро собрались и полетели.

Легко сказать — полетели. На Севере то и дело плохая погода — то пурга, то туман, то метель. Мы, летчики, называем такую погоду „нелетной“. На Севере летная погода бывает редко, особенно зимой. Но все-таки мы полетели к самому далекому от Москвы месту — к мысу Дежнева. Там лежит маленькое селение с красивым названием — Уэлен. В Уэлене живут чукчи и эскимосы.

Как только мы туда прилетели, разыгралась пурга. Лететь к челюскинцам нельзя. Стали мы жить с чукчами, стали ждать летной погоды.

Там я подружился с одним маленьким чукчей. Ему было пять лет, а он уже сам запрягал собак в нарты. Иногда он даже брал маленькое ружье — винчестер — и отправлялся на охоту, как большой. Звали его Ильянинген.

Вот один раз Ильянинген ушел с тремя собаками на охоту и пропал. Прошел день — его нет! Прошел другой — его нет!

Отец маленького чукчи выходил из кибитки, звал:

— Ильянинге-ен!

Ууууу! — отзывался ветер.

Мать выбегала на мороз, кричала:

— Ильянинге-ен!

Вьюююю! — отвечал ветер.

Я тоже выходил его искать с электрическим фонариком.

— Ильянинге-ен! Ильянинге-ен!

Ууууу! Вьююююю! — отвечала пурга.

Пропал маленький охотник. Родители затосковали.

Вдруг утром залаяли собаки, и в кибитку вошел... маленький Ильянинген.

— Где ты был?

Оказывается, на охоте его настигла страшная пурга. Вернуться домой нельзя было. Маленький охотник не растерялся. Он закутался в шкуры, зарылся в снег, уложил рядышком собак. Намело на них большой сугроб, им там и тепло было. Так он лежал под снегом двое суток. А как стихла пурга, он разрыл снег и вернулся.

Я спросил у него:

— Не замерз?

— Нет, только нос немножко отморозил.

— А собаки?

— Нет, они хорошие, они меня согревали, как живые печки.

Мне всё не верилось, что этому бесстрашному охотнику всего лишь пять лет. Ведь ему еще только в детский сад ходить!

Но вот пурга наконец стихла. Погода стала лучше. Мы живо разогрели моторы и полетели в море, к челюскинцам.

Летим-летим, а лагеря всё нет! Я забираю то вправо, то влево — ищу челюскинцев. А их всё нет.

Бензина осталось мало. Что делать? Надо возвращаться. Поневоле лечу обратно. Бензин на исходе: едва-едва вернулись в Уэлен.

Через день набрали много бензина, опять полетели. Только вылетели, разбушевалась пурга. Ничего не видать. Пришлось опять вернуться ни с чем.

Пурга точно издевалась над нами. Я злился. Там, на льду, товарищи, женщины, дети. Им, наверное, холодно и голодно, они ждут не дождутся летчиков, а я здесь торчу на берегу и не могу к ним пробиться...

ЛАГЕРЬ ШМИДТА

Настало 5 марта. Погода хорошая, день ясный. С утра ударил жестокий мороз — 37 градусов. Но я решил: летим во что бы то ни стало!

И полетели: я, Конкин, Петров, Руковский. Внизу — необъятная ледяная пустыня. Она усеяна ледяными горами и скалами. Вглядываемся. Лагеря не видать.

Летим час — лагеря не видать! Летим полтора часа — лагеря не видать! У меня даже глаза разболелись: слишком пристально смотрел вниз.

Подул южный ветер. Над трещинами во льду стоит пар. А нам кажется — дым. То и дело кто-нибудь из нас вскрикивал:

— Лагерь!

Но это был вовсе не лагерь, а пар.

То нам груды льда покажутся сверху палатками, и мы опять кричим друг другу:

— Лагерь! Лагерь!

И это был не лагерь, а просто обман зрения.

Вдруг мы увидели настоящий дым. Мы боялись: может быть, это опять пар?

Но вот рядом с дымом замелькало что-то темное. Вглядываемся, видим: вышка, барак, палатка. Тут мы уверенно закричали:

— Лагерь! Лагерь!

Наконец-то долетели! Я сделал два круга над лагерем. Челюскинцы обрадовались. Кто „ура“ кричит, кто шапку подбрасывает...

А я сверху смотрю на льдину, прицеливаюсь: как садиться? У меня самолет громадный, а льдина маленькая. Раньше она, видно, была большая, но раскололась на две. На маленькой остался аэродром, который приготовили челюскинцы, на большой — весь лагерь. Между ними — широкая трещина.

Ничего не поделаешь — садиться надо. Я стал внимательно, осторожно приземляться. Всё ниже, ниже... Стоп!

Сел благополучно. Вылез из кабины. А челюскинцы как накинулись — давай нас обнимать, целовать, прижимать к себе, точно маленьких...

Вид у них такой, — с непривычки испугаешься. Лохматые, бородатые, в бородах сосульки блестят. Я говорю:

— Вот мы вам шоколаду привезли. Кушайте!

Они отвечают:

— Спасибо, не надо шоколаду! Вы лучше зайдите к нам во дворец, мы вас горячим какао угостим!

Зашли во „дворец“. Это — маленькая палатка. В окошко вместо стекла большая бутылка вставлена. Пол из ящичков. Один ящик — стол. Другой ящик — стул. На столе „стакан“, то есть консервная банка. Рядом аптечный пузырек с фитильком — это лампа. Возле лампы — самодельные, вырезанные из фанеры шахматы.

Посреди „дворца“ — самодельная печка, сделанная из железной бочки. А на самодельной печке в самодельной кастрюле греется настоящее, вкусное какао.

Но пить его не пришлось. Набежали челюскинцы с большой льдины. Им очень хотелось к нам, но трещина мешала. Тогда они подтащили лодку, перебрались через трещину и прибежали.

СПАСЕНИЕ

Тут я увидел Шмидта. Борода длинная и вся обледенела. Рядом с ним — Воронин.

А вот и Аллочка с Кариночкой. Папы их закутали, привязали к себе на спину и прибежали с ними.

Все были очень рады самолету. Все целуются, обнимаются. Воронин целует Шмидта, Шмидт — Воронина. Кто-то закричал:

— Да здравствует советская авиация!

Другой подхватил:

— Да здравствует первый самолет на льдине!

Потом я увидел ноги штурмана Петрова. Его на радостях качали, подбрасывали и уронили в снег, — вот он там и барахтался.

Челюскинцы говорили:

— Мы были уверены, что нас спасут! Поэтому живем на льдине дружно и спокойно. И даже стенгазету издаем. Называется „Не сдадимся“.

Папа Кариночки сказал:

— Самое трудное — аэродромы. Только расчистишь льдину, приготовишь на ней аэродром, а льдина трескается, ломается. Приготовишь аэродром на другой льдине — глядь, и эта расколосась! Но мы духом не падаем. Надо будет — сто аэродромов приготовим!

Я спросил:

— А как себя малыши чувствуют на льду?

Он ответил:

— Хорошо. Их здесь очень любят, все о них заботятся. Мы даже их здесь два раза купали. Палатку покрывали мехами, чтобы не продувало, и купали. Каждый день катаем их на самодельных салазках, прогулку устраиваем.

Все радуются, а я думаю об одном: „Сесть-то мы сели, сумеем ли подняться?“

— Сколько вы думаете взять народу, Ляпидевский? — спросил Шмидт.

— Я, Отто Юльевич, возьму всех женщин. И детей, конечно!

— А влезут ли все?

— Упакуем!

Вот женщины приготовились, простились с челюскинцами, стали забираться в самолет. Но никак не влезут! Они очень толстые, потому что закутались так, что ни повернуться, ни рукой шевельнуть.

Пришлось нам самим взяться за погрузку. Мы брали женщин за руки и за ноги и подсаживали в самолет. Это было очень смешно. Прибежал кинооператор с аппаратом и стал снимать.

Потом, в Москве, челюскинки увидели эту картину в кино и ужасно обиделись.

— Зачем было снимать эту погрузку для кино, чтобы все видели, как нас грузили на самолет, точно дрова?..

Я простился с лагерем, обещал скоро вернуться и сразу дал полный газ. Моторы заревели. Взлетел хорошо. Великая радость охватила меня. Помахал я челюскинцам рукой, они в ответ машут шапками...

— До свиданья, льдина-холодина! Быстрее, самолет, неси нас в Уэлен!

Через два часа двадцать минут показался под крылом Уэлен. Я сделал круг, вижу — внизу все население сбежалось. Встречают нас.

Сел. Чукчи весело кричат, радуются, что мы благополучно прилетели и всех женщин из лагеря вывезли. Они стали вытаскивать женщин из самолета. Каждый старался хоть чем-нибудь помочь челюскинцам. Я вышел из кабины. Чукчи окружили меня, протягивают руки, повторяют:

— Какуме — ренена кляуль!

Это значит: „Вот здорово, летчики“.

Так закончился первый удачный полет в лагерь Шмидта.

ЛАГЕРЬ ЛЯПИДЕВСКОГО

Я был очень рад. Я думал: вот сегодня привез женщин, завтра полечу, еще кого-нибудь вывезу. Но не вышло по-моему. Назавтра опять разбушевалась пурга, да такая сильная — ничего не видать, человека с ног валит. Чукчи глубоко зарылись в свои пологи и шкуры. Даже на собаках ехать нельзя, не то что лететь!

Мы боялись за самолет: как бы его ветром не унесло. Конкин говорит:

— Пойду проверю!

Я говорю:

— Попроси чукчу проводить, а то заблудишься!

Вот они пошли. Только вышли из кибитки, пурга как налетела на Конкина — сшибла его. Покатился наш Конкин мячиком. Чукча кричит:

— Эй, Конкин, где ты?

— Я здесь, около льдины, — отзывается Конкин, — меня ветром сдуло.

Чукча нашел его по голосу и сказал:

— Держись крепко за мою кухлянку, спрячь лицо, я тебя поведу.

Конкин вцепился изо всех сил в меховую куртку чукчи и так, за спиной проводника, прошел к самолету.

Пурга бушевала девять дней. Наконец, 14 марта снова настала хорошая погода. Можно лететь! Мы — скорее греть моторы, и полетели к челюскинцам.

Мороз свирепый — 40 градусов. Мы хоть и закутаны с ног до головы, а зябнем. Ветер прохватывает. Но летим. Лагерь всё ближе...

Вдруг раздался треск. Что такое? Левый мотор затарахтел и затрещал. Вот-вот оторвется и упадет на землю. Надо сейчас же сесть, а то мы все погибнем.

Я мигом выключил больной мотор, сбавил газ, а сам смотрю вниз: куда садиться?

Внизу сплошная ледяная каша, точно кто-то в огромной мясорубке весь лед перемолол. Я сказал своим помощникам:

— Перейдите в хвост самолета. А то, если машина ударится носом, убьетесь.

И всё вглядываюсь в ледяную кашу. Вот разыскал среди сугробов крохотную полянку. Выбирать не приходится. Выключил второй мотор, иду на посадку. Лыжи коснулись неровного льда. Самолет с разбегу — на бугор, плавно съехал вниз, прочертил крылом по снегу и с треском остановился.

Мы выскочили из кабины, бросились осматривать самолет. Видим: подломилась у нашего самолета „нога“ — лыжа. Чинить здесь негде и нечем. Петров горько усмехнулся:

— Ну, вот и лагерь Ляпидевского!

Вдруг вдали, за ледяными буграми, что-то замелькало, будто ныряет. То покажется, то нырнет, то покажется, то нырнет. Мы сначала подумали — морж. Пригляделись — а это человек бежит к нам.

Оказывается, недалеко от того места, где мы сели, было маленькое селенье чукчей. Один из них и прибежал к нам. Он пробежал пятнадцать километров без передышки.

Мы обрадовались. Правда, разговаривать с ним было трудно. Он только чуточку знал по-русски, а мы по-чукотски — и того меньше. Разговаривали больше руками. После такого „разговора“ долго отогревали руки. Все-таки мы поняли, что чукчу зовут Увакатыргин и что он приглашает нас в селение.

Он привел нас к себе в круглую кибитку — ярангу. Пол и стены ее покрыты мехами и оленьими шкурами. Внутри яранга разделяется пологом на две части. Первая половина — холодная, вроде как у нас коридор или сени. Здесь держат собак, здесь лежит добыча и всякие инструменты. Вторая половина — жилая. Здесь тепло. Вместо печки и лампы — корытце с моржовым жиром. В корытце лежит мох. Он пропитывается жиром и светит и греет.

Чукчам интересно всё узнать, всё увидеть. Они теперь учатся грамоте. Чукчи очень много помогали при спасении челюскинцев. Они давали собак, помогали при починке самолетов, помогали строить аэродромы, были проводниками, перевозили на нартах летчиков и челюскинцев; ничего не жалели.

Увакатыргин угостил нас моржовым мясом, напоил чаем и спать уложил.

Вот я сплю, и снится мне замечательный сон. Будто я десять раз подряд слетал в лагерь Шмидта, и будто я вывез всех челюскинцев, и будто я говорю империалистам:

„Ага, вы говорили, что советские летчики не спасут челюскинцев. А теперь вот видите: все челюскинцы, до одного, спасены. А вы, злые империалисты, ничего не понимаете“.

Утром я проснулся, увидел чукотскую ярангу, спящих товарищей,

вспомнил про самолет и загрустил. Там, на ломкой льдине, челюскинцы, а я застрял здесь. Потом я подумал: „Но ведь нас, советских летчиков, много. Не я спасу, другие спасут“.

И я немножко повеселел. Петров сказал:

— Надо скорее сообщить в Москву по радио про наш самолет, а то подумают, что мы погибли.

Увакатыргин отвез нас на собаках в Ванкарем. Но там пургой сорвало антенну, и целых пять дней радио не работало. Все так и думали, что мы погибли. Я потом видел американские газеты, где большими буквами было написано: „Гибель русского полярного героя Ляпидевского“. Я читал эти газеты и смеялся...

В Ванкареме мы взяли нужные инструменты и на собаках вернулись к самолету — чинить мотор и „ногу“.

Работа подвигалась медленно. Стоял жестокий мороз, дул сильный ветер. Часто мешала пурга.

Ремонт тянулся больше месяца. Больше месяца мы были оторваны от всего мира. Мы не знали, спасены ли челюскинцы, или сидят еще на льдине.

Днем мы работали, а по вечерам коротали время, как умели. Мы изучали чукотский язык, учили чукчей русскому.

И вот однажды прибежал Увакатыргин и стал весело кричать:

— Идут! Идут!

Кто „идут“? Откуда идут? Мы выскочили из яранги. Действительно, идут нарты. Мы побежали навстречу.

Челюскинцы! Одиннадцать человек!

Обрадовались мы им до невозможности! Пожалуй больше, чем они нам обрадовались, когда мы к ним на льдину прилетели.

Они рассказали:

— Все челюскинцы уже сняты со льдины. Пока вы тут чинили самолет, летчики Молоков, Каманин, Водопьянов, Слепнев, Леваневский и Доронин сняли всех. На льдине никого не оставили!

Там, где жили челюскинцы, гордо развевается флаг Советского Союза!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот мы, наконец, починили самолет и прилетели в Уэлен.

А там — полно! Там собрались все летчики и все челюскинцы. Никогда еще в маленьком чукотском селении не было столько народу.

Потом всех нас на пароходе отвезли в город Владивосток. Оттуда мы специальным, самым скорым поездом поехали в Москву.

Поезд был скорый, но ехали мы медленно. Не могу передать, что делалось по пути! На каждой станции, на самой-самой маленькой, нас встречали и провожали.

На больших станциях устраивались большие митинги. Играли большие оркестры. На маленьких станциях были маленькие оркестры. Но они всё равно с жаром играли в честь челюскинцев и летчиков.

На каждой станции, на каждом полустанке нам подносили цветы и всякие подарки: альбомы, скульптуры, вышивки, фотографии, рисунки, модели, игрушки. Одному летчику подарили даже маленького поросенка.

Наши вагоны были заполнены подарками так, что повернуться негде было.

Но больше всего нам надавали тортов. Там были торты ореховые, шоколадные, песочные, ромовые, фруктовые. Торты маленькие, торты большие, торты-самолеты, торты-корабли, торты-портреты. Были торты даже в виде льдины. Если бы нам их все съесть, то пришлось бы целый год питаться одними тортами.

Но вот Москва!

Здесь нас встретили так, что рассказать — слов не хватит. Вся Москва вышла нас встречать. Везде были лозунги, портреты, знамена, флаги. Играли музыка. В машинах, обвитых красными гирляндами, нас повезли на Красную площадь. А вдоль улиц, по обеим сторонам, стояли москвичи. Они радовались и весело кричали:

— Ура! Привет челюскинцам! Привет летчикам!

На Красной площади мы увидели товарища Сталина. Он сказал:

— Идите на трибуну!

Мы взошли и стали впереди, а товарищ Сталин стал позади. Мне было неудобно, что товарищ Сталин стоит позади, и я ему об этом сказал. Он похлопал меня по плечу и ответил:

— Стойте здесь! Мы здесь всегда стоим, нас все знают и видят. Пойдите и вы!

Потом нас в Кремле наградили орденами. Всем летчикам — Каманину, Водопьянову, Молокову, Леваневскому, Доронину, Слепневу и мне — дали звание Героев Советского Союза. Наградили орденом Красной Звезды всех челюскинцев. Только Аллочку и Кариночку не наградили, потому что они еще были маленькие. Но это ничего. Я думаю, когда они вырастут, они непременно сделают что-нибудь геройское и их тоже наградят орденами.

* * *

Аллочка уже большая, она скоро в школу пойдет. Они с Каринкой живут в Ленинграде. Если кто из ленинградских ребят встретит их, обязательно передайте им привет от меня. Так и скажите: от летчика Ляпидевского. Они-то меня, конечно, не помнят, зато я отлично помню, как они, закутанные, сидели в моем самолете...

Ив. н. 17

Л. 1939 г.
Акт № 6/6

СОДЕРЖАНИЕ ИЛ'

	Стр.
Ма ол'вингемны	5
Овыса	7
„Хол'ыева енгк ухтыя!“	11
Ол'ынг радиограмма	14
Нётаты, нётаты!	17
Шмидт лагерь	24
Л'ыл' этл'тыпсы	28
Ляпидевский лагерь	33
Ёхл'ы керл'ыпсы	40
Русский текст	44

Отв. редактор *К. Хватай-Муха.*

Корректор *В. Заветновский.*

Техн. редактор *Е. Женин.*

Сдано в набор 29/V 1939 г.

Подписано к печати 9/X 1939 г.

Леноблгорлит № 4783.

Формат бумаги $84 \times 108\frac{1}{16}$.

Инд. Н.-105-V.

Изд. № 157.

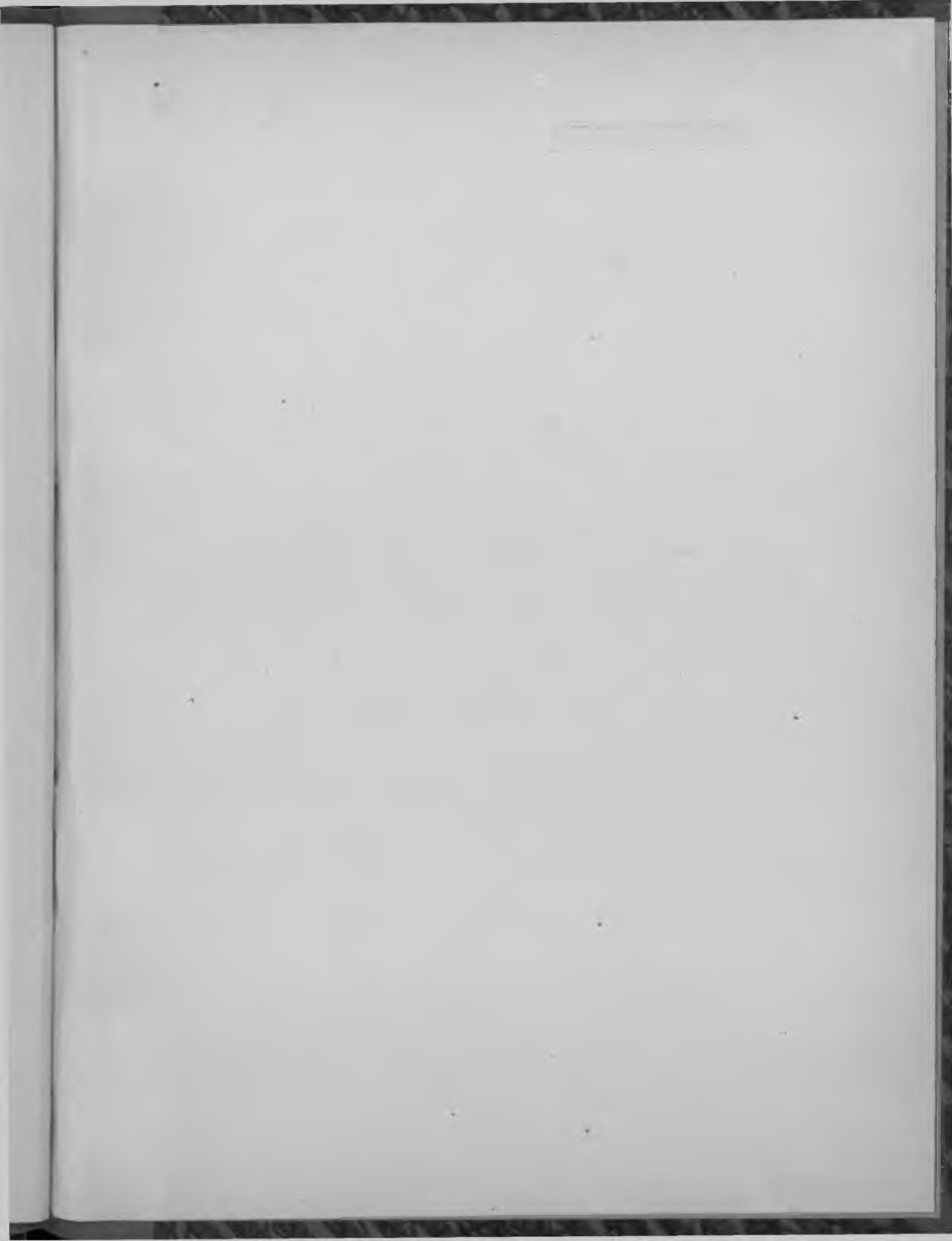
Тираж 1000 экз.

$3\frac{5}{8}$ печ. листа (64000 печ. зн. в 1 бум. листе).

Уч.-авт. л. 2,59.

Заказ № 2080.

Типография „Коминтерн“, Ленинград, Красная ул. 1.

И4-4

Цена 75 коп.

399 99

А. Лялидевский. „Челюскинцы“
(на хантыйском языке)

Хан

4-4